

А. М. Скабичевский

**Пушкин. Его жизнь и литературная
деятельность**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-94
ББК 63.3-8
А11

A11 **А. М. Скабичевский**
Пушкин. Его жизнь и литературная деятельность / А. М. Скабичевский – М.: Книга по Требованию, 2021. – 68 с.

ISBN 978-5-4241-3232-2

Детство Пушкина и первые проблески дарования 1799-1811. Лицейские годы 1811-1817. Жизн и деятельность в С. Петербурге 1818-1820. Пребывание на юге. Пребывание в селе Михайловском 1824-1826. Последние годы холостой жизни 1826-1831. Последние годы жизни 1831-1837.

ISBN 978-5-4241-3232-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021
© А. М. Скабичевский, 2021

А. М. Скабичевский
Пушкин. Его жизнь и
литературная деятельность

**Биографический очерк А. М. Ска-
бичевского.**

**С 15 портретами Пушкина и много-
ми рисунками.**

ГЛАВА I. ДЕТСТВО ПУШКИНА И ПЕРВЫЕ ПРОБЛЕСКИ ДАРОВАНИЯ. 1799-1811

Со стороны отца А.С. Пушкин принадлежал к древнему дворянскому роду, упоминаемому в летописях со времен Иоанна Грозного, причем с наибольшим уважением относился поэт к предку своему Григорию Гавrilовичу Пушкину, служившему при царе Алексее Михайловиче послом в Польше, с титулом нижегородского наместника. От него-то и произошел Пушкин по прямой линии.

Мать Пушкина была внучкой Ибрагима Ганнибала, прославленного поэтом “Арапа Петра Великого”. Но надо заметить, что, из тщеславия перед столичною знатью, Пушкин слишком разукрасил как происхождение, так и положение при дворе Петра своего черного предка. Пушкин рисует его человеком в своем роде знатного происхождения из рода влиятельных абиссинских князей; свидетельствует о том, что, взятый из Константинополя, где он был аманатом,¹ Ибрагим был препровожден к Петру русским посланником; Петр его сам крестил, воспитал, сделал потом любимым своим камердинером и секретарем, послал за границу, где, не жалея денег на его содержание, доставил ему возможность блистать в высшем парижском обществе, а когда он вернулся в Россию, государь выехал ему навстречу за 28 верст. На самом же деле Ибрагим вместе с несколькими другими арапчонками, столь же темного происхождения, как и он сам, был выкраден из константинопольского гарема русским посланником и препровожден Петру как любителю всякого рода “курьезов” и “монстров”, так как в то время было в большой моде у нас содержать среди дворни инородцев: арапов, калмыков, турчат и т. п. Он действительно был воспитан при дворе Петра и затем послан в Париж, где записался во французскую инженерную школу, совершил поход в Испанию, но не только не имел возможности блистать в высшем обществе, а во все время пребывания за границей проживал в крайней бедности. Из его писем видно, что, назначив ему на содержание всего двести сорок франков в год, Петр часто совсем забывал о существовании своего арапа и не всегда выплачивал ему аккуратно жалованье. По крайней мере в письмах Ибрагим постоянно жалуется на крайнюю бедность и просит “не учинить его отчаянным” и не дать “пропасть в нищете”. Из Парижа его “выгоняли” в Россию “как собаку, без денег”, по его выражению, и он был в таком беспомощном положении, что собирался идти пешком, и “ежели не достанет жалованья, то милостыню будет просить дорогою”. Возвратился он в свите князя В.Л. Долгорукова, который очень им тяготился и не хотел кормить дорогою, так что Ганнибал выражал опасение, “как бы ему с голоду не умереть” ...

А.П. Ганнибал – дед поэта со стороны матери

Нраву он был жестокого и крутого. Женившись насильно на дочери флотского капитана, грека Диопера, и заподозрив жену в неверности, он ее бесчеловечно пытал и истязал; потом, пользуясь связями, выхлопотал развод, заточил жену в монастырь, а сам женился на другой, дочери капитана Христине Шеберг. От этого брака родилось у него шестеро детей: четыре сына и две дочери. Из них

наиболее прославился сын Иван Абрамович, как один из участников и героев Наваринской битвы и основатель Херсона, где ему был воздвигнут памятник.

Совсем иных свойств был другой сын Ибрагима, Осип. Служа в артиллерии, сначала сухопутной, потом морской, он отличался пылким темпераментом и необузданным нравом и до такой степени был предан всякого рода диким увлечениям и излишествам, что сделался ужасом семьи, и отец долго не пускал его на глаза свои. Женившись затем на Марье Алексеевне Пушкиной, он скоро разошелся с нею, и в Пскове, служа по выборам, сказавшись вдовцом, обвенчался, при живой жене, на вдове капитана У. Е. Толстой. Результатом этого двоеженства был уголовный процесс, кончившийся тем, что Осипа Абрамовича высочайшей резолюцией 1784 года развели со второйю женою, утвердивши первый брак его, и сослали на службу в Средиземное море, а затем он был сослан на жительство в свое имение, село Михайловское, где и пребывал до своей смерти.

От Мары Алексеевны у Осипа Абрамовича родилась дочь Надежда. По смерти мужа Марья Алексеевна, женщина энергическая, практическая и опытная хозяйка, проживала в доставшемся ей от мужа сельце Кобрине (Петербургской губернии) и, тщательно воспитывая дочь, вывозила ее в свет в самое утонченное высшее петербургское общество, пользуясь положением и связями дяди ее и крестного отца, Ивана Абрамовича. Здесь молодая, красивая креолка, избалованная с детства лестью и потворствами, капризная, пылкая, властолюбивая, имела успех и, между прочим, пленила сердце блиставшего в светских кругах утонченным французским образованием гвардейского офицера Сергея Львовича Пушкина.

Н.О. Пушкина – мать поэта

С.Л. Пушкин – отец поэта

Братья Пушкины – Сергей и Василий Львовичи – представляли собою типы передовых дворян того времени: писали стихи, знали много умных изречений и острых слов из старого и нового периода французской литературы и смело рассуждали о чем угодно с голоса французских энциклопедистов, впечатляясь последней прочитанной книжкой и на лету подхваченным суждением. Василий Львович был известен в литературе как один из “арзамасцев”, принятый в это общество Жуковским, и как автор сатиры “Опасный сосед”. В течение 25 лет непрестанно вращался он в литературных кружках и умер с книжкою Беранже в руках. Сергей Львович, в свою очередь, постоянно гонялся за разными знаменностями, русскими и иностранными. Дом его в Москве был посещаем членами того блестящего литературного круга, который в начале столетия образовался там около Карамзина; в числе друзей и знакомых дома встречались самые почетные имена того времени – Жуковский, Тургенев, Дмитриев и прочие, вместе с именами заезжих эмигрантов, туристов, артистов и т. п. Врачаясь в светских и литературных кругах и ведя рассеянную и чисто праздную жизнь, братья поражали современников своей крайнею беспечностью. Это были бонвиваны² эпохи регентства на подкладке русской распущенности. В положение своих дел они не вникали, деревенскую жизнь ненавидели; дом их, по словам одного очевидца того времени, всегда был наизнанку: в одной комнате богатая, старинная мебель, в другой – пустые стены или соломенный стул; многочисленная, но оборванная

и пьяная дворня с баснословною неопрятностью; ветхие рыдваны с тощими клячами и вечный недостаток во всем, начиная от денег до последнего стакана. Имения же их находились в таком плачевном состоянии, что когда для спасения Болдина послан был туда деятельный управляющий, он бежал из имения при виде страшного разорения крестьян, до которого они были доведены беспечностью и передовыми стремлениями помещика.

Но какова бы ни была изнанка жизни братьев Пушкиных, с внешней стороны они были так блестящи, и Сергей Львович так сумел пленить старого наваринского героя, Ивана Абрамовича Ганнибала, что тот без долгих колебаний решил ся отдать за него свою племянницу и крестницу, Надежду Осиповну, промолвя: “Он не очень богат, но образован”.

После брака и рождения первой дочери Ольги Сергея Львовича, по заведенному тогда порядку, вышел в отставку и уехал в Москву на покой. После того, вплоть до нашествия французов, Пушкины жили попеременно то в Москве, то в своей подмосковной деревне, Захарьине. И вот в 1799 году, 26 мая, в четверг, в день Вознесения, в Москве на Молчановке родился у них сын Александр.

До семилетнего возраста Пушкин не только не представлял из себя чего-либо замечательного, но, напротив того, своею неповоротливостью, тучностью, робостью и неподвижностью приводил в отчаяние своих родителей, и они серьезно опасались даже за его умственные способности. Заставить его бегать и играть со сверстниками можно было лишь насилием. Раз на прогулке он незаметно отстал от общества и прескокойно усился посреди улицы. Сидел он так до тех пор, пока не заметил, что из одного дома кто-то смотрит на него и смеется. “Ну, нечего скалить зубы!” – сказал он с досадою и отправился домой.

Когда настойчивые требования быть поживее превосходили меру терпения ребенка, он убегал к бабушке, Марье Алексеевне Ганнибал, залезал в ее корзинку и подолгу смотрел на ее работу. В этом убежище уже никто не тревожил его.

Вследствие этого ему не пришлось быть любимым и балованным сыном своей матери. Напротив того, Надежда Осиповна выказывала открытое предпочтение старшей дочери Ольге и младшему сыну Льву. Это обстоятельство, однако же, имело впоследствии благодетельное влияние на Пушкина. Не избалованный в детстве излишними угождениями, он легко переносил лишения и рано привык к мысли искать опоры в самом себе.

Пушкин – мальчик

Единственными друзьями его раннего детства были бабушка Марья Алексеевна и знаменитая, воспетая им впоследствии, нянюшка Арина Родионовна. Марья Алексеевна была женщина замечательная, бывалая, прошедшая сквозь огонь и воду после разлуки со своим мужем и отличавшаяся не только опытностью, но и здравым смыслом. Нянюшка Арина Родионовна, представлявшая из себя тип старинных, преданных барских слуг, отказавшаяся от предложенной ей отпускной за себя и за своих родных, поражала знанием народной поэзии: ей известен был весь сказочный мир и она передавала его чрезвычайно оригинально. Поговорки, пословицы, присказки не сходили у нее с языка. Большую часть народных былин и песен, которых Пушкин так много знал, слышал он от Арины Родионовны. Таким образом, этим двум женщинам обязан был Пушкин наиболее поэтическими элементами своей мозы: в то время как Арина Родионовна рас-

крывала перед ним сокровища народного эпоса, Марья Алексеевна увлекала его своими рассказами о старине и о своих молодых, полных приключений годах в исторический мир старых дворянских преданий и нравов XVIII столетия.

На седьмом году с мальчиком произошел внезапный переворот: из вялого и неповоротливого он вдруг сделался развязным, резвым, шаловливым. Няню и бабушку, успевшую выучить ребенка грамоте, сменили по общему обычаю того времени иностранные гувернери и учителя. Кроме священника Беликова и еще другого, обучавших Пушкина закону Божию и некоторым другим предметам, все остальные наставники были иностранцы: первым был французский эмигрант граф Монфор, музыкант и живописец; потом Руссо, хорошо писавший французские стихи; далее Шадель и прочие. Немецкому языку, не любимому Пушкиным в детстве, учила г-жа Лорж, английскому – гувернантка мисс Бели. Был еще учитель, немец Шиллер, обучавший и русскому языку. Учение шло довольно беспорядочно вследствие частой смены преподавателей и не всегда удачного выбора их. Обладая счастливой памятью, Пушкин выучивал уроки лишь слушая, как отвечала их его сестра; когда же первого спрашивали его, ему приходилось ограничиваться постыдным молчанием. Кроме немецкого языка он недолюбливал и арифметику, над которою пролил немало слез, – особенно не давалось ему деление. Зато французский язык, при беспрерывном упражнении и в классах, и в разговорах между собою, усвоен был отлично, и впоследствии Пушкин владел им, как своим родным. Знаменитый граф Алексей Сен-При говорил, что слог французских писем Пушкина сделал бы честь любому французскому писателю. По-итальянски Пушкин выучился также в детстве: отец его и дядя отлично знали этот язык.

С девяти лет начала развиваться в Пушкине страсть к чтению, не покидавшая его всю жизнь. Он прочел сперва Плутарха, потом Гомера в переводе Битобе, потом приступил к библиотеке своего отца, состоявшей из эротических произведений французских писателей XVIII века, а также Вольтера, Руссо, энциклопедистов. Сергей Львович поддерживал в детях расположение к чтению и вместе с ними читывал избранные сочинения.

Говорят, он особенно мастерски передавал Мольера, которого знал почти наизусть. Напролет целые ночи проводил Пушкин за чтением книг, попадавшихся ему в руки.

К этому следует присоединить влияние тех литературных и политических разговоров, которые непрестанно велись в гостиной Сергея Львовича образованнейшими людьми того времени, причем детям позволялось беспрепятственно присутствовать при этих разговорах, лишь бы они не вмешивались в речи старших. Наконец в доме устраивали домашние спектакли и всякого рода *jeux d'esprit*,³ в которых участвовали и дети. Все это, вместе взятое, сильно влияло на умственные способности восприимчивого и талантливого ребенка и влекло к очень раннему развитию их. При таких условиях нет ничего удивительного, что первые опыты в стихотворстве появились у Пушкина очень рано, на 12-м году. Началось дело, по обыкновению, с подражаний. “Любимым упражнением Пушкина, по словам сестры его, сначала было импровизировать маленькие комедии и самому разыгрывать их перед сестрою, которая в этом случае составляла публику и произносила свой суд”. Однажды как-то она освистала его пьеску “Escamoteur”. Он не обиделся и сам на себя написал следующую эпиграмму: